

нии всех осужденных было оставлено без изменения⁶. И только в конце 1980-х гг. было установлено, что постановление Особого Совещания при НКВД СССР от 26 декабря 1945 г. попадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов». Оно было отменено за отсутствия в действиях осужденных состава преступления.

Такова первичная информация об уральской молодежной организации — «Союзе свободных республик». Она не дает возможности однозначно ответить, что же это было? Однако публикуемые материалы дают основу для дальнейшего исследования данного явления.

Примечания

¹ Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 275.

² Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 276; ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43860. Л. 257.

³ Там же. Л. 45, 49.

⁴ Там же. Л. 162.

⁵ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 239. Л. 313.

⁶ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 43860. Л. 47.

О.С. Поршнева (УГТУ–УПИ)

ИЗУЧЕНИЕ ТЫЛОВОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ УРАЛА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Значимость изучения повседневной жизни населения тыловых регионов России и, в частности, Урала, в годы Первой мировой войны определяется возросшим интересом к человеку в истории, «антропологическим поворотом» в зарубежной и отечественной исторической науке в последние десятилетия. Одним из его воплощений стала история повседневности — направление в современной историографии, заново оценивающее значение повседневного личного опыта индивида в формировании его представлений и поведения. Центральными в анализе повседневности являются жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории, так называемых «маленьких», «простых», «рядовых» людей. Они составляли в то же время большинство участников исторического процесса, чья социальная практика определяла изменчивость и преемственность в истории.

История повседневности позволяет решить одну из фундаментальных методологических проблем, стоящих перед исторической наукой: изучение взаимосвязей между социальными структурами и практикой субъекта. Это, в свою очередь, дает возможность на основе реконструкции этих взаимосвязей выявить «пути, следуя которым, участники исторического процесса становились — или могли стать — и объектами истории, и в то же время ее субъектами»¹.

Научную значимость темы определяет и то, что она является частью более общей актуальной проблемы исследования «человеческого измерения» вооруженных конфликтов и, прежде всего, мировых войн. Такая задача встала в повестку дня отечественной исторической науки в связи с выделившимся в российской историографии новым направлением междисциплинарных исследований — военно-исторической антропологией, «призванной не только и не столько к специализации в исследовании войн, сколько к интеграции знания о них, получаемого различными гуманитарными и общественными науками»². В изучении ценностей, представлений, установок восприятия действительности и моделей поведения «рядового» человека в условиях экстремального состояния социума в период вооруженного конфликта, без которого невозможна реконструкция повседневной жизни людей в этот период, то есть в изучении тыловой повседневности, смыкаются междисциплинарные по своей сути интересы и подходы истории повседневности и военно-исторической антропологии.

Другим важнейшим основанием, определяющим необходимость исследования представленной проблемы, является актуальность изучения социокультурных аспектов российской модернизации на рубеже XIX–XX вв., недостаточно разработанных в историографии. Как известно, модернизация в России в начале XX в. происходила в условиях войн и революционных потрясений, которые не могли не повлиять на ее ход и специфику. С другой стороны, она характеризовалась широким вовлечением в политические процессы массовых социальных слоев и групп населения, в условиях которого повышалась роль представлений, ценностей, стереотипов восприятия и стратегий поведения «безмолвного» в спокойные исторические эпохи большинства. Их изучение позволяет выявить формы ментальных и поведенческих реакций «маленького» человека на процессы социально-экономических и политических трансформаций в России на рубеже XIX–XX вв., основные стратегии выживания, приспособления и сопротивления людей в этих условиях, степень и формы усвоения и отторжения ценно-

стей модернизации основными социальными слоями и группами населения. Именно под этим углом зрения в контексте изучения поставленной проблемы можно наиболее отчетливо проследить как творцы истории превращаются одновременно в ее жертвы. Кроме того, исследование темы позволит более основательно изучить региональные особенности российской модернизации, локальную специфику социокультурных процессов на одном из решающих ее этапов. Эта задача соответствует концептуальному подходу истории повседневности, применяющей микроанализ, ограничение масштаба наблюдения в пространстве и времени, уделяющей внимание индивидуальным чертам исследуемых феноменов.

Изучение истории повседневности как направление мировой историографии обозначилось в последние два десятилетия на Западе. Особенно значимых результатов оно достигло в Германии (ФРГ), где сложилась школа «Alltagsgeschichte», представители которой (Х. Медик, А. Людке и др.) разработали не только целый ряд сюжетов в рамках данного направления, но и его методологию, источниковедческие подходы³. В России в последнее десятилетие под влиянием начавшейся интеграции отечественной науки в мировую были сделаны первые шаги по освоению данного направления и реализации его подходов в практике конкретно-исторических исследований⁴.

В современной уральской историографии различные аспекты повседневной жизни населения региона накануне и в годы Первой мировой войны рассматриваются в рамках изучения истории рабочих, крестьян, солдат уральских гарнизонов, городов и городского населения, общественных организаций, местного самоуправления, семьи, религиозности, культуры и быта⁵. В обстоятельном и во многом новаторском труде И.В. Нарского, посвященном периоду революции и гражданской войны, непосредственно последовавшим за войной Мировой, выполненном в жанре истории повседневности, реконструирована стратегия выживания населения Урала в условиях гуманитарной катастрофы, показаны психологические механизмы, мотивы, формы и техники адаптации к экстремальной ситуации, реакции людей на события 1917–1922 гг., их восприятие, переживание и осмысление⁶. В то же время комплексное изучение повседневной жизни населения Урала в годы Первой мировой войны еще не стало предметом специального исследования.

Реализация задачи исследования данной проблемы предполагает решение целого ряда взаимосвязанных вопросов. Среди них и рас-

смотрение проблемы влияния первой в истории «тотальной» войны на функционирование, положение региона в системе общественных отношений военного времени и изменение условий повседневного существования людей, и реконструкция обыденной (рутинной) жизни различных категорий населения, воспроизводящихся систем действий и отношений, ритуалов и других повседневных практик, и исследование ценностных ориентиров, стереотипов представлений и мыслительных реакций, мотивов действий, обуславливавших поведение «обычного», «рядового» человека в различных ситуациях повседневной жизни военного времени, и целый ряд других.

Изучение данного ракурса военной истории региона предполагает определенное изменение исследовательского источниковедческого сознания. Оно включает переоценку значения вещественных источников, которые имеют исключительную важность для реализации поставленных задач, и получили отражение в фотографиях, рекламных объявлениях в газетах и журналах, музейных коллекциях. Другим проявлением специфики источниковедческого подхода является выделение среди всего многообразия наиболее информативных (с точки зрения целей и характера исследования) видов вербальных источников, которыми являются документы личного происхождения (воспоминания, письма, дневники), официальные документы конфиденциального характера, посвященные настроениям и условиям жизни населения, местная пресса 1914–1917 гг., характеризующаяся огромной по объему не введенной в научный оборот информацией о повседневной жизни населения.

Культурно-семиотический подход, применяемый в исследовании истории повседневности, определяет использование не только общенаучных и специально-исторических методов, но и междисциплинарных, важнейшее значение в ряду которых имеют семиотические, историко-психологические и социально-психологические. Семиотика истории предлагает выявлять в прошлом символы и коды, переводить их в соответствии с современной знаковой системой и таким путем расшифровывать смысл источника. Использование методов исторической и социальной психологии определяется тем, что они исследуют сознание и психологию индивидов и групп, их представления, чувства, эмоции, настроения, во многом определяющие поведение, пронизывающие и наделяющие смыслом каждое социальное действие. Одним из способов интерпретации текстов исторических источников является воссоздание внутреннего мира их авторов, реконструкции

типов поведения и мышления. Метод психологической реконструкции, основанный на интерпретации источников, является основой психолого-исторического и историко-антропологического исследования. Достоверность источниковой информации должна определяться как с помощью классических исторических методов внешней и внутренней критики источников, так и с использованием приемов оценки их репрезентативности, истолкования, имеющихся в арсенале статистики, социологии и герменевтики.

Изучение повседневной жизни населения Урала в условиях Первой мировой войны, когда регион оказался на положении тылового в ситуации первого в мировой истории вооруженного конфликта нового типа, будет служить приращению конкретно-исторического знания о прошлом страны, ее людях, особенностях регионального развития, обобщению социального опыта в его антропологическом измерении.

Примечания

¹ Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С. 83.

² Сениявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 11–13.

³ См.: Людтке А. Указ. соч.; Курьянович А.В. История повседневности: особенности подхода, цели и методы // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001.

⁴ См.: Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1930-е годы // Социальная история. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 287–332; Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945–1964. М., 1993; Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской истории. М., 1996; Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000; Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001; и др.

⁵ Апкаримова Е.Ю. Об изменениях городского быта на Урале в последней трети XIX — начале XX в. // Этнокультурная история Урала, XVI–XX вв.: Материалы междунар. науч. конф., г. Екатеринбург, 29 нояб. — 2 дек. 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 176–180; Она же. Городское общественное управление в годы Первой мировой войны // Вторые уральские военно-исторические чтения: материалы регион. науч. конф. Екатеринбург, 2000. С. 7–9;

Она же. Праздники в Екатеринбурге (по материалам периодических изданий начала XX в.) // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 23–24 мая 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 153–156; История местного самоуправления на Урале в XVIII — начале XX в.: город, село, деревня. Екатеринбург, 1999; Конюченко А.И. Религиозно-нравственная характеристика православного населения Оренбургской епархии (вторая половина XIX - начало XX века) // Вестник Челябинского университета. Серия 1. История. 1998. №1. С. 38–54; Миненко Н.А., Рабцевич В.В. Любовь и семья у крестьян в старину: Урал и Сибирь в XVIII–XIX веках. Челябинск, 1997; Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995; Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996; Попов Н.Н. Материально-бытовое положение солдат уральских гарнизонов в начале XX в. // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице. С. 188–190; Яхно О.Н. Повседневная жизнь горожан российской провинции на рубеже XIX–XX вв.: методологические и конкретно-исторические аспекты // Уральский исторический вестник. 2001 № 7. С. 224–254; и др.

⁶ См.: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг.

П.А. Орлов (ЮУрГУ)

**О СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ КОРПОРАТИВНОЙ
ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ В РЕФОРМИРУЕМОЙ
ОТРАСЛИ (по материалам горнозаводских товариществ
казенных горных заводов Урала в 1865–1912 гг.)**

При всей вариативности направлений модернизации действующей модели социального государства в современной России, в том числе, и в плане осуществления принципов социально-ответственного бизнеса, логичный выглядит актуализация уже имеющегося отечественного опыта социальных реформ, особенно в их территориально-отраслевом контексте. Последнее же совершенно невозможно без точного понимания того, что конкретно «имело место быть» в известные исторические эпохи, а именно в самый сложный период буржуазной трансформации второй половины XIX в. Притом, что первые факты государственных пенсий уместно относить к петровской эпохе (Морской устав 1720 г.), актом, унифицирующим разнообразные способы поддержки отставных, увечных и их семей, явился¹ Устав о пенсиях и